

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Баба Яга – Хозяйка Змей	4
Глава 2. Верховная ведьма.....	64
Глава 3. Воительница	93
Глава 4. Великая Пряха	156
Огненная преграда	179
Водная преграда	180
Заросли	180
Непреодолимые горы.....	181
Глава 5. Жрица в ночи	236
Приложение I. Юда	283
Приложение II. Белая лошадь	287
Приложение III. Три Богини	295
Приложение IV. Травы Марены.....	308
Список использованной литературы.....	319
Список принятых сокращений.....	359

ГЛАВА I

БАБА ЯГА – ХОЗЯЙКА ЗМЕЙ

«Смерт не выберат: ци пан, ци Иван»
(ФСЛГ, С. 459)

В образе Богини Смерти и соотносимых с ней мифологических персонажей (далее – МП) обнаруживается общая для всех черта, позволяющая выделить еще одно воплощение Марены – как Хозяйки Змей, Матери змеиного племени. По отдельности «змеиные черты» можно счесть за символические обозначения колдовской хитрости Богини, Ее темного коварства, элемент оборотнического умения, но в совокупности своей они рисуют иную картину. Все всякого сомнения, это архаичный компонент Ее образа, некогда представлявший собой либо одну из многих его граней, либо бывший одной из основ, на которой этот образ создавался.

Для начала обратимся к анализу имени Яги, МП, отношение которого к Марене сомнений, в целом, не вызывает. Помимо привычного «Яга», фольклор дает поистине неисчерпаемое число вариаций имени демонической старухи:

- укр. *яга*, *язібаба* (Гринченко 1909, С. 535, 537), *язя* (Dukova, s. 25), *Jehera* (Máchal, s. 66), *Инджібаба* (Зинчук 13, № 6), русин. *Ижужбаба* (Гиряк 5, № 8), русин. *Гінжібаба*, *Інжібаба* (Керча, С. 163).
- блр. *ягипица*, *баба-игипувна* (Черепанова 1983, С. 105), *Баба Яга* (БМ, С. 34), *яга*, *ига*, *баба ига* (Носович, С. 223), *Баба Юга* (Романов 6, № 5), *Баба Ягиня* (Замовы 2009, № 367).

- рус. баба-лягаба, баба-ога, ягайя-баба, ягайя-бабица (РДС, С. 28), на территории Русского Севера представлены: баба-я-габа, баба-ягадова, баба-ягцба, бабка яга, баба-ляга, баушка ляга, яга-баба, ега-баба, еги-баба, яга, ягая бабица, ягиха, ягишиша, ягишина (егцишна), баушка ягишина, егцбишина, егибиница, егадовна, егцвовна (егична, егидична, егцбисна «дочь бабы яги») (Черепанова 1983, С. 104-105), арханг. ига-баба (Рождественская, № 25), Яицьна-Бабицьна (Цейтлин, С. 183; РСК, № 16), Ягабова, Ядимова (АС, № 28, 29), баба Ягабиха / Егабиха, баба-ягаба, Ягой-баба / Егая-баба (Ончуков, № 27, 34, 278), Егабова (Пинеж, № 37), Ягишня (Балашов, № 105), волог. Бабка-ягабка (ЗР, С. 12), олонец. Ягабаха, Ягивовна (Ончуков, № 38, 178), перм. Ягижна (Подюков 2003, С. 59), помор. бабка-яженя (Поморье, № 11), Ягичня (Меркулова, С. 167), заонеж. Ибиха, Гигибиха (Заонежье, № 27, 59), пинеж. Егцбова, Егцбовна (Карнаухова, № 69, 85), орлов. Ягибаба (Смирнов, № 120, 130), смолен. Баба-Ига, Баба-Юга (Добровольский 1, С. 499; Добровольский СОС, С. 18), нижегор. Бука-Яга (СНС, С. 97), Бурака-Каляба (Балова Приложение, С. 29), Ага-Гнишина (Потявин, № 10), тамб. (Яга)-Бурая (Смирнов, № 250), яга-бура, бура, томск. ягастая, ср.-урал. яга-ягишина, ср.-рус. ягая, без указания места записи – ягавая (Черепанова 1983, С. 105), тоболь. Яга Яганишина (КВСО 1, № 59), самар. Ягая Баба (Самара, № 16), Яга-ягишина (Рощевский, С. 307), вятск. Еги-боба, Егцбиха (Зеленин В, № 11, 115), Егибица (Смирнов, № 120), тюмен. Баба Яга Ягинична (Городцов 2000 2, С. 422), моск. Буряга (СНП, № 35), русские Литвы: Ягцтая баба (ФСЛ 1, № 62)¹,

---

¹ К русскому набору имен следует дать небольшой комментарий, извлеченный из новейшей статьи, посвященной образу Яги: Ягой / Ягая может быть построено по принципу образования русских фамилий типа Толстой, Благой; Егцбовна / Ягивовна и Ягишина / Ягичня – по образцу именования женщин по отцу – Макаровна, Егоровна и Ильинична; Яицьна-Бабицьна напоминает звукописную игру народной речи – *тень-потетень, кысанька-мурьсанька* (Никитина-Рейли, С. 32-33). Остается допустить, что Егибиха / Ибиха образовано по именованию женщины по мужу – Никитиха, Иваниха.

костром. *Ага-бова, Ога-бова, Яга-боба, Яга Ягинишна* (Завойко 1917, С. 40), карел. *Яженя* (Разумова, № 75).

- чеш. *jezenka*, диал. *jaza* (Черепанова 1983, С. 105), *jedu-baba*, *Jezinka* (Máchal, s. 66), *Jahoda-baba* (Trstenjak 1867, s. 72), морав. *Ördögbaba* «чертова баба» (Máchal, s. 66), старочеш. *Baba-Jaga, Jěžě, Jěžěnka, Jěžinka* (и опосредованно – *Jeskyňka*, поскольку эти демоны жили в пещерах-*jeskyních*) (Machek, s. 225), *Jedibaba, Jěžěnka, Ježenka, Ježybaba* (Зайцева, С. 231), *ježibaba* (Санникова, С. 101), *jezibaba* (Dukova, s. 25).
- словац. *Jenži-baba, Ježi-baba* (Máchal, s. 66), *jeza, jezinka, jenzi-baba* (Trstenjak 1867, s. 72), *Jagababa, Ležibaba* (Machek, s. 225), *Jendz'ibaba, Jendžibaba, Jenzibaba, Ježibabisko* (Зайцева, С. 231), *jezibaba, jindžibaba, hindžibaba* (Валенцова 2015, С. 111).
- пол. *baba jaga* (Kąś 1, s. 144), *indzibaba, jindza* (Kąś 4, s. 146, 310), *jędza, jędzyna, jędzi-baba, jądza, jędzona, baba-jędza* (Черепанова 1983, С. 105), *jedza, jenzda-baba* (Trstenjak 1867, s. 72), *babo jędza, jędza-baba, jędzona baba, jędzonka, jędzybaba, jędzyna* (Санникова, С. 101), *idza* (Dukova, s. 25); нужно отметить, что одной из самых ранних фиксаций имени Яги может являться польское *Jesza*, созвучие которого с вариантами наподобие *Ježi-baba* отмечалось (Иванов-Топоров 1965, С. 54); ср. также одно из имен, придаваемых Смерти – *Jagusia* (Mátyás, s. 98).
- кашуб. *jąza, jąza, jiza, jąžebaba* (Dukova, s. 25).
- словен. *ježibaba* (Máchal, s. 66), *Ježibaba / Šiškababa* (Kelemina, s. 246).
- болг. *яга* (Санникова, С. 101), под сомнением имя *Ега* (предположительно читающееся в проклятиях: *Ега те поразила! Ега го порази!*) (Dukova, s. 24-25).

У соседних с русскими финских народов отмечен аналогичный МП, как под именем *akka* «старуха», созвучным Яге, так и в варианте заимствованного имени: *dägi-baba, gägi-baba, jaga-baba* (Вепские, С. 34, 160). Якуты переняли образ русской Яги практически под тем же именем: *Дьэгэ Бааба, Дьиге Бааба, Дьэбэ*

Бааба, Джаба Бааба, Джэга Бааба, Дьикэ Бааба, Биби Бааба (Дьяконова, С. 66).

Характерный образ Яги – злой ведьмы, имеющей вид грязной старухи в рваном тряпье, послужил превращению ее имени, видимо, используемого в качестве бранного обозначения, в самостоятельные слова, эти подробности образа в себя вобравшие:

- ведьма, колдунья: укр. *язібаба*, «ведьма» (Гринченко 1909, С. 537), ст.-чеш. *jěže* «ведьма» (Санникова, С. 101), рус. *егибница*, *егибоба*, *егибова* (СРГН 8, С. 315–316); возможно, сюда следует прибавить еще и значение «старая одинокая женщина»: «Теперь одна тожно вот осталась, баба-яга» (Черепанова 1983, С. 104).
- злая, сварливая, своенравная женщина: укр. *яга* «злая баба» – «У сусіди віпросилась до такої ж, як сама, яги» (Гринченко 1909, С. 535), *язя* «злая, бессердечная, сварливая женщина (человек)»: «Вона пустиласі на мене, як язє», «Виділа міго жінку – кішка язби, али бо й він ни ліпша язби» (ГС, С. 660), болг. *ига* «злая женщина, ведьма» (Санникова, С. 101), рус. *еги-баба*, *егибница*, *егибоба*, *егишна* – «Эка егишна! Заесе мужику-ту ест шею-ту, а мужик-от смиренный, ни гу-гу, молчит!» (СРГН 8, С. 315–316), рус. смолен. *яга* «злая баба» – «Ни матка, а ига» (Добровольский СОС, С. 1017), ряз. *ега* «злая, недобрая женщина»: *Настоящая ты Яга баба! Она ни дать, ни взять, Баба Яга!* (Макаров, С. 18, 75), чеш. диал. *jaza* «злая женщина», пол. *jędza* «то же» (Machek, s. 225), словац. *ježibaba*, *jéžibaba*, *jeňdzibaba*, *endžibaba*, *hendžibaba* «злая, страшная женщина, ведьма» – «Takaja ktora jeňdzibaba, lem furt še jeňdzi» (SSN, s. 726-727), пол. *idza* «фурия, ведьма, злая баба» (при *jedzic sie* «сердиться»), кашуб. *jąza*, *jąza*, *jiza* «злая баба, ведьма, колдунья» (при *jązęc są*, *jizęc są* «сердиться»), *jažėbaba* «алчная склочная баба, ведьма, колдунья» (Dukova, s. 25). Ср.: блр. «у нас ёсть **матушка злая**: ина называюцца Баба-Ига Кастинная Ныга» (Добровольский 1, С. 499). Подобный эпитет унаследовала и христианская Богородица (применитель-

но к празднику 8.VII, 28.VII): рус. амур., бурят. *Сердитая Богородица* (СРНГ 28, С. 44; ТФСБ, С. 268).

- неряха, грязнуля: рус. *ягабова* – «Вот такая ягабова, быва испугаешься» (Черепанова 1983, С. 105).

Этимологии имени Яги предлагались разные. Оставляя в стороне курьезные и маловероятные версии, связывающие его с индийской йогой, санскритским обозначением жертвоприношения («яджня»), хант. *я́нэгэ* «жена старшего брата», «мачеха, тетка» (Dukova, s. 27), венгер. *ágyu* «жена старшего брата», самодийск. *nga* «бог», балто-слав. **ji- / *ja- / *jē* «идти; ехать» и литов. *jėgà* «сила» (Журавлев 2005, С. 571, 614), отметим более-менее обоснованные.

Так, например, некоторые исследователи полагают, что оно произошло от рус. диал. *ягать* «кричать, вопить» (Даль; Добровольская 2010, С. 25), в том числе «кричать при родах». Ср.: *ягать* «кричать, шуметь», вологод., перм., сиб. (Даль), *ягайла* «крикун», *яжить*, *язжить*, *яжжить* «кричать, шуметь, вздорить, браниться», владим., яросл., моск. (Даль). Корень, возможно, связан с латыш. *indzēt* «стонать», *īgt, īgstu* «быть угрюмым, нахмуриваться», лит. *ingzdū* «жалуюсь», *inziū* «жалуюсь; кричу, жалуясь» (Фасмер 4, С. 543), сюда же и перм. *егать* «сильно пылать», «злиться, сердиться», «бегать, горячась; суетиться» (ЭССЯ 6, С. 69). Яга как кричащая, шумящая, злобная норовом баба, с гневного окрика начинающая любое общение с пришедшим к ее дому героем, типична для сказок, но могло ли это послужить основанием для создания имени? Весьма сомнительно, поскольку формальное сходство имени и приведенных глаголов в данном случае ничего не проясняет – у них нет связи. Проблематична и другая версия: «Само ее имя «Яга» – это краткая форма прилагательного «ягая», т.е. «опасная, злая, лихая»» (Цыганенко, С. 562). Соблазнительный вариант, но, возможно, это как раз имя повлияло на словоформу?

В воздухе повисла версия «нескромного происхождения». В принципе, есть моменты, позволяющие ее хотя бы рассмо-

треть, не отбрасывая сразу. К примеру, в туровском диалекте белорусского языка за словом *ягiня* дается значение «бесстыжая, дрянная женщина» (ТС, С. 359). И это не может быть вторичным влиянием от образа Яги, крикливой и злой, хотя бы потому, что подразумевается здесь не «плохая / злая женщина», а по сути «женщина нескромного поведения». В облике Яги имеются черты гипертрофированной, искаженной сексуальности, которую, не зная исконных причин появления их в образе Всематери, порождающей и уничтожающей мир, со временем и в условиях новой религиозной парадигмы стали оценивать как нечто непристойное, грубое, пошлое и одновременно комичное. Получают здесь объяснение и бранные эпитеты типа «курва», «блядь» и «сука», которыми наделяют провожаемую на Масленицы Богиню Зимы. Этимологические связи, поддерживающие версию, также имеются: пра-иранское **jahī* «публичная женщина, распутница», что, возможно, восходит к и.-е. **gh-es-* «плохой» от корня и.-е. **agh-* «плохой, похотливый», но при этом более интересны прочие слова, восходящие к пра-иранскому – авест. *jahī-* «женщина (в дэвовском смысле)», ср.-перс. *jēh* (*yh*, *yuh*) – название мистического персонажа «распутная женщина; увлекающая дьяволица», ассоциировавшееся с колдовством, как в авест. *jahi yātumaiti*, *jahikayāi yātumaitiyāi* «распутная женщина, занимающаяся колдовством, ворожкой» (Этимологический словарь иранских языков. Т.4, С. 140), с чем, вероятно, следует также соотносить кафирских демонов женского пола *jeini* и людоедок-*yacheni* (Йеттмар, С. 59, 255). А Яга – как раз старшая над ведьмами, ну а как ипостась Марены – Богиня-покровительница колдовства, которой «бесстыжие, распущенные (распустившие пояса и волосы)» ведьмы подражали своим внешним видом. О ее демоническом («девовском» в авестийской терминологии) характере можно лишней раз не упоминать.

Любопытной возможностью разрешить вопрос представляется подход О.Н. Трубачева: «Прасл. **ęga* / *ęza* родственно, вероятно, лит. *ęngti* «душить, давить, теснить, мучить», латыш. *īgst*

«исходить, кончатся, чахнуть; досадовать», англос. *inca* «боль», др.-ирл. *ekki* «печаль, сомнение». *ęga может быть объяснено как отглагольное имя, производное от глагола *ęgti, не засвидетельствованное непосредственно» (Санникова, С. 100-101; ЭССЯ 6, С. 68). Считается, что эти формы восходят к варианту с назальной вставкой *ing от и-е. *aig «больной, расстроенный»; от той же формы с назальной вставкой можно вывести хетт. *henkan* «эпидемия, чума, смерть», хотя версию с хеттской трактовкой критикуют (Dukova, s. 26). С учетом конечного родства Яги и духа-мары подобное толкование имеет поддержку со стороны этнографии – ночной демон действительно душил свои жертвы: «Таким образом, как мифологическое существо *ęga скорее всего представляет собою персонифицированный ночной кошмар, удушье» (Журавлев 2005, С. 613¹). Однако это смелое утверждение и создает основную проблему – именно Яга в подобном ни разу не замечена (единственный пример – Kolberg 36, № 3, где действует, однако, не Яга, а змея). Кровь пьет, как и мора, – это факт, фольклорными текстами отмеченный, но никогда не душил.

Очевидным кажется близость имени Яги словам, обозначающим болезнь, но тут, скорее, говорить нужно об общем корне: ст.-слав. (др.-болг.) *ѡза*, *ѡса*, *ѡза* «болезнь, недуг», серб.-хорв. *jéza* «болезнь», «ужас, страх», «озноб, дрожание (от холода,

¹ К слову, дав свой комментарий, далее А.Ф. Журавлев не думаю что сознательно, вводит своих читателей в некоторое заблуждение, утверждая, что «Баба-Яга – исключительно сказочный персонаж, в фиксированных верованиях она не известна». Это не так, что показывается в этой книге неоднократно и следует из работ О.А. Черепановой (Черепанова 1983) и Е.Ю. Баловой (Балова). А вот далее приводимая Журавлевым цитата К.В. Чистова – уже чистой воды ошибка: «Кстати, в развитых фольклорных традициях этическое и эстетическое всегда выступает в гармонии – добрый («положительный») персонаж не может быть уродливым. Уже это одно должно было насторожить сторонников амбивалентности Бабы-Яги» (Журавлев 2005, С. 614). Жуткая обликом Геката, которую зовут на помощь, спасающая мир от демонов Кали, чей внешний облик ужасен, Три пряхи с изуродованными конечностями общеевропейской сказочной традиции – это как, не считается, или данные традиции не являются развитыми?

страха)», «гнев, ярость, досада», *jéziv* «больной, слабый», «опасный», *jézina* «худоба вследствие внутренней болезни», *jézити* «причинять неприятность», словен. *jéza* «гнев», *jézav* «гневный, разъяренный», *jeziti* «злить, раздражать», болг. *енза*, диал. *енза* «болезнь» (в проклятиях *езата да го сполети! фанала го езата, да го не пуще!*), «простуда», *енза* «эпидемическая болезнь», «рана», *едзав* «покрытый ранами», *ензам* «хромота» (Яга однонога), *енци* «болезни», *ендза* «болезнь» (в проклятии *ендза те убила!*) к этому производное *ензам* «хромать», *яндза* «заразная или смертельная болезнь, эпидемия» (этот вариант заимствован в арумунское *iándză* «черт» в проклятии *iandza vatimică!*), далее *ъндза*, *йъндза* «болезненное состояние, при котором дрожат от холода, как при высокой температуре» (в проклятиях *йъндза те йъндзосала!* и *йъндза те фатила!*) (Dukova, s. 24, 25). Сюда, видимо, следует причислять русск. *язва* «болезнь», *уязвить* «нанести рану». У. Дукова полагает, что за приведенным болгарскими названиями скрывается персонификация демона болезни, каковую версию выдвинул и Брюкнер на общеславянском материале – «демон болезни, боли» (Санникова, С. 101). Возможно, к указанному корню восходит и *Ežiagulyš*, предположительно имя литовского Бога смерти (Běťáková, s. 72).

Э. Бенвенист и В.Н. Топоров сводят праслав. **jega* вместе с хетт. *henkan* «эпидемия, чума», кельт. **ank-* (др.-ирл. *es*, кимр. *angen* «смерть» – персонифицированная смерть Анку!), греч. **ank-* (*άν-αγκ-η*) к **épn-k-*, корню **эп* «убивать», основа II которого **эп-ék-* содержится в др.-инд. *naś-* «исчезать», лат. *pecare* «убивать»; связь с ирл. *ess* «смерть», *easadh* «болезнь» предполагает уже Пиктет (Dukova, s. 26). Гипотеза хороша в первую очередь тем, что таким образом независимо подтверждалась бы изначальная роль Яги как Богини Смерти, коли имя «Яга» имеет ту же подоснову, что и «Мара» – идею смерти. Но все же погодим...

На наш взгляд, наиболее перспективной является другая этимология, связывающая имя Яги с образом змеи. Еще в 1866 г. Д. Трстеняк указал на близость имен русской Яги, польской

Ежибабы и чешской Езинки с инд. *Ahis* «мифический змей», лит. *azis* «змея», авест. *azi* «змея» (Trstenjak 1866, s. 401). В 1869 г. А.Н. Афанасьев, по-видимому (судя по списку использованной им литературы), не знакомый со статьей Трстеняка, отметив за Ягой многие змеиные черты, пришел к аналогичному выводу: «Что же касается слова «яга» (*ega*, пол. *jędza, jądza, jędži-baba*, словац. *jenži, jenzi, ježi-baba*, чеш. *jezinka*, галиц. *язя*), то оно соответствует скр.-му *ahi* – змей» (Афанасьев 3, С. 588). Десятью годами позднее это мнение было поддержано А.А. Потемной, указавшим, что имя Яги следует сопоставлять с лит. *angis*, слав. *уж*. В 1891 г. Г. Махал повторил эти соображения, связывая *jaga, jędza* с *qžъ* «змея» (Máchal, s. 68). Аналогичной точки зрения придерживался и А.И. Никифоров, что следует из заметок, составленных им в 1936 г.: «Яга, ега, баба-яга, Ягишна, Ягинишна, Егонишна, Ягиница, Ягабова, Егабова, Егибоба, баба-каргота (польск. *jędza*, словац. *jenzi*, чеш. *jezibaba*, санскр. *ahi*, греч.-лат. *lanu*, немец. *Bertha, Hulda, Holle, Eisenbertha*, восточн. Шамус-баба, финск. *siefmer*)» (Никифоров, С. 49). Эта точка зрения была поддержана и представителями следующего поколения исследователей.

Так, приводя свои доводы в пользу змеиного истока образа Яги, К.Д. Лаушкин возвращается к идеям А.Н. Афанасьева: «В имени Яга также скорее всего отразилась ее змеиная природа. Хотя этимология этого слова вызывает споры, наиболее близким к истине представляется мнение, что «Яга» происходит от санскритского *ahi* – змей» (Лаушкин, С. 186). Десятилетие спустя такую свою позицию озвучила О.А. Черепанова. Отметив, что «в украинском «*язя, язi*» – это «гадюка» и «злая баба», «*язi-баба*» – «баба-яга, ведьма» и «волосатая гусеница», рус. «*еж, яж*» – «червь, живущий на спине у рогатого скота», змея «*язя*» – это именно особо опасная, ядовитая змея», исследовательница делает вывод: «Все это /.../ говорит о том, что в славянских языках существовало название змеи с корнем *-яз(яз, яж)*-. В связи с этим особое значение приобретает обоснование того, что элемент «*яга*» (*язя*) и его варианты могут входить в обшир-

ное этимологическое гнездо, восходящее к индоевропейскому корню **egh(i)* «змея». Ср. санскр. *áhi* «змея» (**nghi-*), авест. *ažiš* «змея», греч. *ἔχις* «гадюка, уж», *οφίς* «змея», *ἑυχελύς* «угорь», тох. В *auk* «змея», лат. *anguis* – то же, *anguilla* «угорь», лит. *angis, ungurys* «змея», герм. *agiz* «змея, дракон», др.-в.-нем. *unc* «уж», арм. *iz* «змея»» (Черепанова 1983, С. 108). И далее: «Генетически родственные названия мифической змеи известны и восточным соседям славян. Через иранский ареал (ср. зенд. *ajidahaka* «serpent perniciosus»; перс. *æzdæhə, æzdæha* «дракон, мифический змей»; тадж. *аждахо, аждархо* – то же) слова с этим корнем проникли в тюркские языки, где имеют достаточно широкое распространение: азерб. *аждаһа* «дракон, мифический змей», узб. *аждар, аждахо* – то же, туркм. *аждарха* – то же, тат. *Аждәһа*)» (Черепанова 1983, С. 109). Недавно к этому списку добавилось зафиксированное на Русском Севере (Республика Коми) слово «*агашка*» в качестве наименования змеи (Черепанова 2008, С. 211).

В своем комментарии на труд А.Н. Афанасьева А.Ф. Журавлев отмечает (не соглашаясь с данной гипотезой): «Сближение мифонимов ведийск. *Áhi* и слав. *яга* (*Яга*) соблазнительно, и не в последнюю очередь по причинам очевидности в образе Бабы-Яги хтонических признаков /.../. Ее относят к числу фигурирующих во многих мифологических и фольклорных традициях «одноногих (или безногих, хромых) богов», образы которых имеют «змеиный» генезис (ср. безноготь змеи / Змея). Ср. еще др.-чешск. *jězě* «*lamia*, дракон»» (Журавлев 2005, С. 613). Видимо, это же мнение имеет в виду Е.Ю. Балова, когда пишет: «Некоторые исследователи считают, что слово «*Яга*» – огрубленное от «*Яшка*»», т.е. Ящер (Балова, С. 66). Говоря о вероятном происхождении Яги от змеи, М. Власова пишет: «Один из возможных отголосков давних представлений о таком **змееподобном божестве** – прослеживаемый в верованиях крестьян ряда губерний России образ огромной лесной (белой) или полевой змеи, которая властна над скотом, может наделить всеведением и т. п.» (Власова 1995, С. 370). Вот мы и вернулись к мысли, высказанной уже современным ученым, о том, что Яга –

Богиня. По поводу корня, лежащего в основе указанных словообразований, делается весьма любопытный вывод: он породил две группы терминов, одна из которых тяготеет к теонимам, что имеет важное значение в случае с этимологией имени Яги – Змеи и Богини: «Упомянутые Афанасьевым названия змеи, ужа возводятся к индоевроп. **ang^u(h)i-* «змея, червь» и его фонетическим вариантам **eg^uhi-*, **og^uhi-*, **eg^hhi-*. Предполагается, что фонетические различия, наблюдаемые в индоевропейских формах, связаны с лексической семантикой. Первичная основа **eg^uhi-* испытала преобразования по табуистическим причинам, результатом чего продолжения варианта **ang^u(h)i-* являются наименованиями «змеи», тогда как продолжения формы **og^uhi-* служат обозначениями «Змея» как **ритуально-мифологически значимого существа»** (Журавлев 2005, С. 588). Модель развития образа Богини от Змеи к Яге была предложена К.Д. Лаушкиным в следующем виде: первобытная эпоха – змея (олицетворение смерти) // дохристианская эпоха – Баба-Яга – одна нога (**славянская богиня смерти**) // новое время – Баба-Яга – костяная нога (сказочный персонаж) – «Сначала она ползала, как змея (реконструируемый нами зооморфный период). Потом стала прыгать на одной ноге (стадия одноногого и хромононого божества, зарегистрированная в некоторых сказках). Еще позже стала ездить в ступе по земле» (Лаушкин, С. 186). Логика здесь безупречна. Ядовитая змея, внушающая ужас нашему раннему предку своим видом и невозможностью выжить после ее укуса, действительно могла быть включена в культ как персонифицированная Смерть, постепенно все более антропоморфизируясь, одновременно сохраняя признаки пресмыкающегося.

Такую «змеиную» трактовку имени Яги подтверждает множество деталей, обнаруживаемых в сюжетах с ее участием. Частично эта аргументация привлекалась А.Н. Афанасьевым и К.Д. Лаушкиным в их разборе образа Бабы Яги.

В первую очередь, речь идет о ногах Яги, точнее, о сведениях об ее одноногости или даже безногости – сказки очень часто останавливаются на этой детали, из чего можно сделать вывод,

что для рассказчика и слушателей данное обстоятельство представлялось важным в образе данного МП. Основная часть примеров такого рода приведена в главе «Внешность Богини (1)». Дефект ног Яги иногда отмечен явно, иногда – косвенно и виден лишь в описаниях ее походки, затрудненности передвижения: «*Ах, ты, Бабушка-Яга, одна ты нога!*», – обращается к Яге героиней сказки «Иван-царевич и богатырка Синеглазка» (РС, С.190), «*у тебя, Егая баба, у тебя и ноги-те косыё, ты и плесать-то не умиёшь*», «*Идёт, как баба-яга, прискаккивает (т.е. прихрамывает)*» (Черепанова 1983, С. 106), «*вдруг является к ним Ягая баба и прыгает вокруг их на одной ноге*» (Самара, № 27). Ср. также именованная купальского чучела ведьмы: полес. «*Баба-яга – порвана нога*» (Левкиевская 2002, С. 96). В сюжете, где выводится ее конфликт с богатырями, обращает внимание странная деталь – Яга не в силах самостоятельно преодолеть в принципе незначительные препятствия: «*Спали долго-ле, коротко-ле, пришла к ним баба-ягаба и говорит: «Здынь меня на порог». Горокат стал здымать, одва знял на порог ей. Говорит баба-ягаба: «Здынь меня на лавку». Здынул коё-как Горокат ей на лавку. Баба-ягаба и говорит: «Давай, Горокат, боротца со мной». Стали боротца. Баба-ягаба Гороката оборола*» (Ончуков, № 34), ср.: «*Когда суп сварился, вдруг закричало что-то на море хриплым голосом. И кричит: «Высади меня из лодки!» Горонос махнул дверью, увидел у берега лодку, на лодке страшилище-старуху. Испугался и побежал к ней. Высадил старуху из лодки, а когда она подошла к двери, то сердито закричала: «Пересаживай меня через порог!»»» (Комовская 1951, № 96). В свете данных о присущем ей дефекте ног и версии о змеиной природе Богини, стоящей за образом Яги, подобную деталь можно счесть указанием на безноготь Яги, еще одним свидетельством ее змеиного происхождения. Наиболее устойчивый признак Яги – ее неживая нога, – также может быть истолкован в русле поисков змеиных черт у сказочной ведьмы, как трансформация изначальной безноготь Яги: «гораздо чаще встречается в сказках не одноногая, а костеная Баба-Яга. Костяная нога упоминается почти всегда*

в единственном числе – штрих, сохраняющий, хотя и в затемненном виде, образ одноногой Яги. При дальнейшем развитии образа одна нога приобретала новые фантастические признаки: она становится то деревянной, то золотой, то навозной, то костяной. Последний признак оказался самым стойким. Зарегистрированная некоторая неустойчивость признаков, которыми наделялась нога богини смерти, лишней раз подтверждает, что они вторичны по отношению к первичному качеству – одноногости. Отметим также, что эти вторичные, но достаточно яркие признаки, особенно костеность, переключали на себя внимание сказочников и слушателей; древнейший признак – одноногость – постепенно погружался в тень. Костеность – это атрибут смерти (нога мертвеца или скелета). Потому он и оказался самым устойчивым из вторичных признаков, что лучше, чем другие, выражал внутреннюю природу образа» (Лаушкин, С. 181–182). Для автора гипотезы указанных деталей в образе Яги вполне хватает, дабы подытожить: «Уже ее одноногость является достаточным основанием, чтобы предполагать, что она входит в круг божеств, ведущих свою родословную от змей» (Лаушкин, С. 185). Змеиный низ, судя по всему, имеет владычица змей – Царь-девица, являющаяся по мнению автора, воинственной ипостасью Марены: «Царь-Девка – **наполовину змея, наполовину девка. Она над всем змеиным царством царствовала**» (Садовников, № 3).

Ягу тексты могут называть «змеей» прямо, сочетая это обозначение с ее именем или же дополняя его. В заговоре от укуса змей читаем: *«ты, кровь, запекись, хрящом затянись, ключом завернишь. Коли ты, кровь, не запечешься, хрящом не затянешься, ключом не завернешься, напущу я на тебя ягу змею буру. Яга змея бура шерстью застелет, хоботом замок замкнет, богородице ключ отдаст*» (Черепанова 1983, С. 106–107), при том, что известно именование Бабы Яга как *Яга бура* (Черепанова 2008, С. 211). В Витебском крае на свадьбу рядились на потеху гостям: блр. *«Мать наражают в Бабу Ягу, в змею. Сидит с кочарьгой – размазанная сажей ти краской. Надевает кожух»*

(Ивлева 2004, С. 141). Лутонюшка комментирует поведение Яги, валяющейся на останках своего пиршества: «*Покатайся, гад, поваляйся, гад, на дочерниных косточках*» (ФКР, № 237). Сказка старообрядцев Литвы нередко вместо Яги подставляет литовское соответствие «рагану» (*ragana*), которая точно также едет «*в ступе, пестом подпирается, метлой следы замечает*», но при этом чуть дальше ее именуют «*ведьма-змея*» (ФСЛ 1, № 56); в белорусской сказке (Брест), более отчетливо: «*не маці гукае, ды зьмея, Баба-Ега*» (ТМКБ 4/2, С. 351). Добавим сюда одно из названий Яги *баба-ляга* («*Спи, а то баба ляга придет, тея унесет*» – Балова Приложение, С. 26), при общеизвестном *ляга* «лягушка», а также фигурирующее в фольклоре имя царицы змей *Ляга Лягица* (Черепанова 1983, С. 106) – укр. «*Царьце Лягице! Собирай свое війско гадючке и гадимске*» (Ефименко 1874, № 48); в сказочном тексте, записанном в Тункинской долине, Яга названа лягушкой: «*Неоткуль идет баба-яга-лягушка, на полету кольцо поймала и идет*» (Тунк, № 31). О.А. Черепанова выдвинула интересную гипотезу, о том, что «имена змей в заговорах, созвучные наименованиям «ага», «яга», могут быть косвенным доказательством семантизации «яга» как «змея»: царица змей нередко именуется *Агафьей*, известны змея *Грипина* (*Агриппина*), инорогая змея *Графена* (*Аграфена*) и под.» (Черепанова 2008, С. 211). Это предположение расширяет нашу исследовательскую базу.

Редкий украинский текст описывает Ягу с чертами, более присущими многоглавому Змею, требующему поставлять ему жертвы за возможность брать воду: «*В лесной местности некогда жила колдунья, называемая Язя (Jazia). Она имела 12 голов, 6 по правой, и 6 по левой стороне. Жилище ее было в скале, из-под которой выбивался источник. Окрестный народ должен был ей каждый день доставлять по одному ребенку, которого та пожирала*» (Gustawich, № 6). Этот пример имеет также большое значение при разборе вопроса, знали ли славяне, помимо полабских племен, многоглавых Богов. К нему примыкает другое сообщение, где поликефалия четко связана и со змеями, и с Ягой: укр. «*Є також гадини, що мають більше ніж одну голову,*

вони зовуть ся «язями» (язе)» (Онищук 1909, С. 31); ср.: «Из змії робить си «язя», їйк і 7 років, аби ніхто і не видїв» (Шухевич 5, С. 272). В словацких сказках вместо змеев сражаются с героем одна за другой приходят многоглавые Яги (*ježibaby*) – две сестры и их мать, старшая Яга: «*ako tá sedem hláv okrúca, siedmimi jazykmi zalizuje sa a vytrča zuby; Vtom pripáli druhá ježibaba; deviatima hlavami kosila, pysky rozfahovala, zubami škripala a rozfúkaná blížila sa k nemu; Dvanásť hláv mala a jazykmi zalizovala sa, ako dákyimi ohnivými palošmi*» (Dobšinský 3, № 4).

Яга – Змея по множеству оснований. Это – один из ее обликов: «А Яга-ягишна с дочерью змеями обернулись и быстро в двери юркнули» (РНСУ, С. 220). В сказках Яга оказывается родной матерью Змеев (а иногда и женой Змея), зарубленных героем (Ончуков, № 27): словац. *Ježibabini synovia, tosú draci* «Сыновья Яги – это драконы» (Wollman 2, № 214), рус. «она оборотилась Бабой Ягой. **Была же она родной матерью тех трех многоглавых змеев, которых убил Иван Водович**», «летит Баба Яга в ступе, пестом погоняет, помелом след замечает, летит и воет: «На этом на калиновом мосточке вор-собака Иван-Коровин сын **убил моего сыночка, шестиглавого змея**» (Городцов 2000 2, С. 321, 372), Змей-Смок пытается убийцу Яги: блр. «*Ты вайскі пабіў?*» – «*Пабіў!*» /.../ «*Матку забіў?*» – «*Забіў!*» (ЧК 1, № 12). Гневаясь на убийцу сыновей, Яга готовит ему страшную смерть, одновременно обнаруживая свою истинную природу – превращаясь в огромного, поистине космических масштабов демона, она пытается проглотить обидчика живьем: «Нет, – сказала Баба-Яга, – этим вы его не поймаете, а я его вот как поймаю: выйду на дорогу, раскрою рот – одна губа по земле, другая губа по поднебесью, – тогда он от меня не уйдет» (Смирнов, № 304), теща змеев преследует героя и братьев до кузни: укр. «*почала Гиньджи-баба здоганяти їх. Розньала на них пащегу, же їх ззість*» (Гнатюк 1898, № 8, С. 45). Сказки дают разное описание того, что получилось в итоге трансформации Яги: «на дороге стоит свинья, розкинула харю от земли до небеси, не обойти и не объехать ей» (Соколовы, № 37), блр. «*стоить тая баба, рот*

Афина со змеей

разинувши – одна зяпа на зямле, а другая под небеса» (Романов 6, № 27), «оборочуся свиньнёй, один лыч будить рыть у неби, а другой у земле; як их нагоню, то их усих и прожру» (Романов 6, № 29), «А карова-гадина гаворить: «У мяне адин гриб да неба, а другой да зямлі: так я наскачу, аднаго схвачу» (Добровольский 1, С. 408), «Заходит облачина¹ и развеваает пасть от самого неба до земли» (Смирнов, № 183).

¹ Ср. также описание полета ведьмы вслед за беглецами: пол. «из-за быстрого полета она разгорелась как огонь, а за ней туча сияющая тянулась, леса и травы зажигала, над которыми пролетала» (Rokossowska, № 10). В бретонской сказке преследующая героев чародейка превращается в черную тучу – стараясь затруднить ей путь, беглецы бросают за спину волшебные вещи: соломенный жгут, щетку и скребницу (Бретонские, С. 102–103). Индийская версия: «Кришна /.../ обратился в /.../ Кали, носящую шкуру тигра, грохочущую, словно огромная туча» (МБП 54.25).

С нашей точки зрения, подобные примеры суть переосмысление, возникшее после утраты представлений о Яге как Змеихе (чего стоит введение в текст несуразнейшей коровы-гадины!). Об их тождестве свидетельствуют варианты сказки на тот же сюжет (СУС 300А), где преследовательницей героя вместо Яги (укр. «*як отой Ченегра тікав від баби-яги до Кузьми-Дем'яна в кузню*» – Петров, С. 215) оказывается Змея – «*змиийиха*» (Рудченко 2, № 23), «*Змия*» (Rokossowska, №. 56): блр. «*Паспешаець за імі трэцяя змея і пусціла сваю пасць ад землі да неба*» (Аф, № 134), преследовательница «*зьмея*» – «*видють нейкую большую гору, и сказуют мижда собою: тоды ни было етый горы, ни туды мы едим!*» /.../ *Подижжають ближи. Ина разинула пасьть, вытигнула жало ны вярсту*» (Романов 6, № 28), укр. «*летить зміїха и роззявила рот, хотіла їх поісти*», «*Стара змия на печи лежить*» – «*аж вона летить: одна губа по-під облаками, а друга по землі волоччетця*» (Чубинский 2, № 68, 69), «*змія із роззявленою пащею понеслась услід. Підлетіла до старшого брата і проковтнула його разом із кіньми. Догнала й середущого і теж проковтнула його разом із кіньми*» (Зинчук 1986, № 37), «*Як почувла тих зміїв мати, шчо її синів нема на світі, біжить за Сучевичем така сердыта, шчо у неї з рота на сім саженой вогонь паше*» (Moszyńska, № 10), в польской сказке Мать змеев, *stara Żmija*, говорит: «*А я как распущу крылья от неба до земли и раскрою пасьть, то всех трех (богатырей) за раз прогложу*» (Nowosielski 1, s. 265, 267). Любопытно, что в одной из белорусских сказок эта змея – супруга Кощея: «*змяя сора будзе ляцець, Кашчэева гэта жонка*» (ЧК 1, № 6).

Тождество Змеи и Яги несомненно, поскольку Яга, как и Змея, в ходе дальнейшего преследования попадает в кузню, где ее укрощают: укр. «*вони закрили ворота знову і стиснули Гинджібабу у воротах*» (ГДН, С. 80). Особо интересен вариант, где Яга превращается в змею – именно этот момент, на наш взгляд, является «каноническим», наиболее логичным в свете всех известных данных: блр. «*Ён мне нанёс большую скуку: зибив моих трёх сынков, як соколков. Каб я знала /.../ куды ён пойдзец /.../*

обернулась ба я лютэй змяёю, прожрала б яго и с конём разым!» (Романов 3, № 15), укр. «Тоді баба (Яга) стала на дорозі напроти них, вивалила язика, **як змій**, і стала вогнем палити. /.../ Баба **перекинулася в змія і палить діда вогнем»** (Зинчук 1, № 10). Ср. превращение Яги в пресмыкающихся в другой кризисной ситуации (и не по своей воле): «*едет на ступе баба Яга, товарищ приготовил бутылочку. Как только баба подъехала, он прыснул на нее, она вдруг перевернулась **на змею**, она в лягуху, прыснул на лягуху, лягуха надулась, лопнула»* (Ончуков, № 152). Так что не свинья, не корова, не аморфное облако и тем более не сама Яга в облике старухи – а именно Змея, жуткая древняя Драконица-Ламия, скинувшая с себя в гневе ставший тесным человеческий образ, распахивает свою пасть от земли и до небес, занимая все видимое пространство...

Разные записи сказок на один и тот же сюжет противницей героя называют то Ягу (Ончуков, № 4), то «**змею-лубяные глаза**» (Чернышев 2004, № 45). Герой крадет волшебные вещи у Яги (Романов 6, № 31), и она же может называться сказкой «**Баба Зьмия**» (Романов 6, № 30). В сказке владелицей табуна чудесных кобылиц (СУС 554) традиционно называется Яга (Аф, № 159; Романов 6, № 12), но в одной украинской сказке – Змея: «*нішов на море до баби Змії*» (Герасим, № 6). Яга приходит в лесную избушку и требует покормить ее вторгшихся туда богатырей (Ончуков, № 34), но в украинском варианте из Волыни обительницей дома оказывается змея, заставляющая девушку накормить себя, а потом старающаяся ее задушить (Kolberg 36, № 3). Яга превращает героя в камень = украинская сказка и тут ее упоминает в качестве матери Змея: «*Там є вогняна баба-босорканя, **мати того шарканя**, що ти його вбив*» (Мейсарош, С. 14). В сказках про Терешку (Ивашку, Телесика) кликать мальчика на берег приходит то Яга (Аф, № 106; Кретов 2004, № 20), то ведьма, которую чуть далее сказитель называет змеей (Кулиш 2, С. 18), то змея: укр. «*А **стара змія** підслухала /.../ прийшла та й грубим голосом каже: «Телесику, Телесику, приплинь, приплинь до бережжочка, дам я тобі їсти й пити»* (Зинчук 3, № 73;